

ВЛАДИМИР ВЫСОЦКИЙ
в воспоминаниях друзей и коллег,
собранных
ИГОРЕМ КОХАНОВСКИМ
при участии
ДМИТРИЯ БЫКОВА

ВСЁ

ВЛАДИМИР ВЫСОЦКИЙ
в воспоминаниях друзей и коллег,
собранных
ИГОРЕМ КОХАНОВСКИМ
при участии
ДМИТРИЯ БЫКОВА

НЕ ТАК,

РЕДАКЦИЯ
ЕЛЕНА ШУБИНОЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА

РЕБЬЯТА...

УДК 792.2.071 Высоцкий В.
ББК 85.334.3(2)6-8
В84

Составитель *Игорь Кохановский*

Предисловие *Дмитрия Быкова*

Художник *Андрей Рыбаков*

Фото на переплете — *Леонид Мончинский*

В книге использованы фотографии А.Стернина, Л.Мончинского, фото из ГКЦМ В.С.Высоцкого «Дом Высоцкого на Таганке» и из личного архива И.Кохановского и М.Шемякина

В84 «**Всё** не так, ребята...»: Владимир Высоцкий в воспоминаниях друзей и коллег / сост. Игорь Кохановский, предисл. Дмитрия Быкова. — Москва : Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2017. — 512 с., ил. — (Великие шестидесятники).

ISBN 978-5-17-098692-7

Владимир Высоцкий давно стал легендой. Актер, поэт, кумир...

В этой книге впервые под одной обложкой собраны воспоминания тех, с кем он дружил, кого любил, с кем выходил на подмостки. Юрий Петрович Любимов и коллеги-актеры: Алла Демидова, Валерий Золотухин, Вениамин Смехов, одноклассник Игорь Кохановский и однокашники по Школе-студии МХАТ, кинорежиссеры Александр Митта, Геннадий Полока, Эльдар Рязанов, Станислав Говорухин, близкий друг Михаил Шемякин, сын Никита... Сорок человек вспоминают — каждый своего — Высоцкого, пытаются восстановить его образ и наконец понять.

А может, всё было совсем не так?

УДК 792.2.071 Высоцкий В.
ББК 85.334.3(2)6-8

ISBN 978-5-17-098692-7

© Кохановский И.В., 2017
© ООО «Издательство АСТ», 2017

Содержание

Дмитрий БЫКОВ	
Предисловие	9
Игорь КОХАНОВСКИЙ	
Серебряные струны	15

АКТЕР

Борис ПОЮРОВСКИЙ	
Студент Владимир Высоцкий	105
Аза ЛИХИТЧЕНКО	
Эпизоды	112
Иза ВЫСОЦКАЯ	
«Мы были почти дети...»	118
Юрий ЛЮБИМОВ	
«Он спел всё, что хотел!»	130
Алла ДЕМИДОВА	
Каким помню и люблю	152
Вениамин СМЕХОВ	
Живой и только	172
Валерий ЗОЛОТУХИН	
«Всё в жертву памяти твоей...»	199
Анатолий ВАСИЛЬЕВ	
Сосед по гримерке	244
Зоя БОГУСЛАВСКАЯ	
Время Любимова и Высоцкий	256
Владимир ВОЙНОВИЧ	
«А я ему не позвонил...»	271

Михаил ЛЕВИТИН	Невстреча с Высоцким	279
Владимир ДАШКЕВИЧ	Композитор Владимир Высоцкий	284
Галина ВОЛЧЕК	«Свой остров»	289
Станислав ГОВОРУХИН	В одной связке	293
Геннадий ПОЛОКА	Две гитары и ударная установка	321
Георгий ЮНГВАЛЬД-ХИЛЬКЕВИЧ	«Я хотел снимать Высоцкого во всех своих фильмах»	328
Эльдар РЯЗАНОВ	И актер, и поэт	335
Борис РЫЦАРЕВ	Как Высоцкий не стал Соловьем-разбойником	339
Александр МИТТА	Арап Петра Великого и другие моменты жизни	342
Петр ТОДОРОВСКИЙ	Как я подыгрывал Высоцкому	360
Ия САВВИНА	«Это тебе, Володечка...»	363

ПОЭТ

Евгений ЕВТУШЕНКО	Прощание	369
Василий АКСЕНОВ	Высоцкий в альманахе «Метрополь»	380
Андрей БИТОВ	Последний огненный бык	384
Андрей СИНЯВСКИЙ	Певец и сочинитель песен	392
Наум КОРЖАВИН	«Хорошо, что Высоцкого поют сейчас»	400

Валерий ЗОЛОТУХИН		
	Как скажу, так и было, или Этюд о беглой гласной	404
Юлий КИМ		
	Словесный эквилибрист	410
Александр МЕЖИРОВ		
	«Он был дьявольски, пронзительно умен...»	414
Юрий ЭНТИН		
	«Мы с тобой одной крови — ты и я!»	418
Константин МУСТАФИДИ		
	«А жизнь кругом бурлила...»	424
Борис АКИМОВ		
	Как записывался архив	430

КУМИР

Сергей ЮРСКИЙ		
	Кумир	445
Ольга ТРИФОНОВА		
	«Но строк печальных не смываю...»	449
Эрнст НЕИЗВЕСТНЫЙ		
	Человек беспредельной души	467
Борис МЕССЕРЕР		
	Владимир Высоцкий	471
Михаил ШЕМЯКИН		
	«Вспоминай всегда про Вовку...»	485
Никита ВЫСОЦКИЙ		
	«Память об отце — наше семейное дело»	501

Благодарности

Составитель сборника Игорь Кохановский и «Редакция Елены Шубиной» благодарят журналиста и исследователя творчества В.С.Высоцкого Марка Цыбульского за предоставленные материалы с сайта <http://v-vysotsky.com/>, Всеволода Ковтуна за материалы с сайта <http://otblesk.com/vysotsky>; Валерия Перевозчикова за предоставленные тексты интервью, Юрия Голигорского за беседу с А.Д.Синявским, Динский историко-краеведческий музей за предоставленные фотографии из личного архива Евгения Люцко.

Дмитрий Быков

Предисловие

В СССР выход сборника «Такой-то в воспоминаниях современников» был знаком окончательной канонизации. Появление книги в серии «Литературные мемуары» — одной из самых востребованных в застойные времена, поскольку обывателю в литературе интересны именно бытовые частности, а обывателями тогда были почти все, — доказывало, что гений признан еще и эталоном человеческой порядочности, идеологической выдержанности, личной последовательности. Конечно, в этих сборниках печатали только то, что гения украшало, воздвигало ему мавзолей (несколько более откровенные свидетельства можно было найти у Вересаева, в сборниках мемуарных фрагментов о Пушкине и Гоголе, — но их регулярно критиковали за методологическую некорректность). То, что теперь выходит фундаментальный сборник мемуаров о Высоцком, — как раз и есть признак такой канонизации, полного забронзовения; но, как всегда у Высоцкого, есть нюансы.

Во-первых, в этом сборнике случаются свидетельства вроде «А меня Том Сойер однажды здорово поколотил» (если помните, на мнимых похоронах Тома такое могли ска-

Дмитрий Быков

зять о себе почти все присутствующие). Высоцкий далеко не всем авторам этого сборника говорил добрые слова, далеко не со всеми охотно встречался, а откровенен и вовсе был с единицами. От некоторых он отделялся заведомо невыполнимыми обещаниями, другие просто были ему в тягость, и вообще видно, что чем дальше, тем меньше он хочет общаться с кем бы то ни было. Он устает быть равным себе, и издержки этого статуса — во многом искусственного, но что делать, если с личной совестью у людей напряги, — обрушиваются на его ближний круг. Поздний Высоцкий — Высоцкий страшно раздраженный. Оно и понятно: в условиях, где почти ничего нельзя сделать и даже искусство уже не спасает, единственным возможным образом жизни становится саморастрата, сжигание свечи с двух сторон. Почти все заметные и одаренные люди конца семидесятых — начала восьмидесятых заняты самоуничтожением, а их пытаются удерживать; естественно, их это бесит. Это может быть алкоголь, как у Даля и Высоцкого, а может — лихорадочный бешеный труд, как в случае Трифонова; иногда суррогатом смерти выступает бегство, как у Аксенова или Тарковского, который, впрочем, долго там не прожил. В таких ситуациях человек всегда один, спасители только мешают. Воспоминания о Высоцком выявляют то главное в нем, чего мы, может быть, не чувствовали: несовместимость его статуса с жизнью, постоянное негодование от двойственности и фальши этого статуса. Кумир миллионов — он страдает от тысячи бытовых унижений, вынужден пить и есть с начальниками, которые в любой момент могут его посадить за левые концерты или регулярные аварии; вырываясь за рамки всех правил и самого земного притяжения — он обязан быть дисциплинированным актером, сниматься, играть спектакли, выслушивать претензии; завоевав весь мир и получив доказательство своего признания в Париже и Голливуде — зубами выгрызает визы и задыхается под все более липкой опекой органов. Главное же — он все больше ощущает себя заложником этой репутации: как хорошо было, когда его слава — после «Вертикали» — только на-

Предисловие

чиналась! Тогда он был сочинителем веселых или серьезных песенок, одним из многих; но выморочная, больная, замкнутая ситуация семидесятых превратила его в борца и светоч. И вот ему ничего нельзя, а при этом многое можно: поклонники негодуют — какой же ты борец, когда на «мерседесе» едешь, из заграницы не вылезает? Где ты искренен — в военных своих песнях или в притчах вроде «Тот, который не стрелял»? И почему ты молчишь о нарастающем маразме, и почему ты вообще все меньше пишешь нового? (А что нового в этот момент пишут остальные? Главным образом автоэпитафии вроде «Жука в муравейнике».)

Вот это первое. Фальшь самого статуса «общей совести», пророка в Отечестве. Двойственность положения народного любимца: ведь партноменклатура — тоже народ, и, как выяснилось впоследствии, самая органичная его часть. То есть она в основном и формирует образ народа, приписывая ему свои свойства. И Высоцкий по самой природе своего таланта не отказывается ни от одной части этой аудитории — он действительно для всех свой. Когда прочитаешь эту книжку, понимаешь, что не смерть его загадочна — а то, как он дожил до сорока двух.

Вторая любопытная закономерность — это исключительная важность, пожалуй, даже сакральность всего, что с Высоцким связано. Вот он пишет записку другу, вот излагает план фильма (не осуществившегося, конечно), вот острит вслед проходящей мимо красавице — всё запоминается, всё потом попадает в мемуары; странное дело, но мы почти не знаем его афоризмов, блистательных формул, точных оценок чужого творчества — вся афористичность ушла в стихи. И чисто человеческих поступков его мы почти не знаем или знаем очень мало: никого не спасал, не вытаскивал из депрессий, не жертвовал денег на благотворительность (она тогда тоже была, и многие, например, подкармливали безработных диссидентов) — словом, почти без биографии человек. Играл, пел, ездил. И здесь он как раз не заложник профессии либо статуса — в конце концов, захотел бы, так нашел бы способ

Дмитрий Быков

переменить биографию. Нет, тут был его личный, сознательный выбор: или фанатичная работа, или столь же самоубийственные загулы, иногда многодневные. А жизнь как таковая, просто жизнь — воспитание детей, решение бытовых проблем или даже просто любовные романы — все на втором плане. Высоцкий совершенно не умел жить (да и пить, собственно, не умел): он был профессионалом в другой области. Да и не очень нужны ему были люди, скажем честно: одиночества не переносил, общества — тем более. Единственным настоящим другом в зрелости считал Шемякина, их объединяли и масштаб личности, и подверженность традиционным российским порокам. Но вот удивительно: при такой экономности, скупости его повседневных эмоций и бытовых поступков — все они хорошо помнятся. О нем помнят такое количество мелочей, что в любом другом случае это смотрелось бы диссонансом. А у него — нет. Видимо, дело в том, что он не словами, не мыслями, не поступками, а как-то одним своим существованием и обликом вносил значительность в тогдашнюю советскую жизнь. Вот он ходит рядом — и это значительно. Эта закономерность добавляет нечто новое не к его облику, а к нашему: она проясняет, чего нам на самом деле надо от великих современников. Нам надо, чтобы они своим масштабом свидетельствовали о возможности другой жизни, другого психотипа, — а без добрых дел мы как-нибудь обойдемся. Добрые дела как раз забываются. Мы ведь считаем это нормой. «Хорошими делами прославиться нельзя». Запоминается не то, что человек тебе жизнь спас, а то, как не поздоровался или на ногу наступил. Не надо требовать от великих хорошего поведения (плохого — тоже не надо, конечно). Можно требовать значительности; и Высоцкий был значителен. Когда он был рядом, это приподнимало нас в собственных глазах.

И третья закономерность, которая особенно выпукло выступает в этой книге: мы любим свое прошлое или будущее, а настоящее игнорируем. И Высоцкий поет нам про то, какими мы были (во время войны или в детстве) — и какими

будем. Настоящего у нас нет. Большинство мемуаристов вспоминают Высоцкого в молодости, другие помнят о том, как уже при жизни сознавали его величие и ждали канонизации, — и почти никто не помнит, каким он, собственно, был. Есть образ студента Школы-студии, набрасывающего первые песни, и образ-памятник — монумент его посмертной славы, скажу даже, что и культа. Но вот повседневности как бы вовсе не было: Высоцкого любили как бы посмертно. Все понимали, что — гений; и что гения этого обязательно назовут несправедливо замученным. Иногда возникает чувство, что многие из эпитафий, написанных в июле-августе 1980 года, готовились заранее. Но вот реального Высоцкого — с его пристрастиями и страстями, читательскими и зрительскими вкусами — не запомнил почти никто. Мелочи есть — облика нет. На своих гениев мы смотрим ретроспективно. А интересно-то именно знать о том, как человек жил, справлялся с жизнью; как он работал, искал сюжет, сомневался ли он в себе... Этого мы почти не видим — и не потому, что он был скрытен, а потому что памятник интересует современников больше, чем живой и ошибающийся человек. Мы увидим в этой книге Высоцкого-певца — того, кто поет уже готовое, — но почти не увидим Высоцкого-творца. Может, понять и проследить этот творческий процесс не всякому по плечу, а может, в России действительно важен не процесс, а результат. Может, поэтому у нас так эксплуатируют пятьдесят хитов Высоцкого, но почти не знают серьезных, глубоких, «лабораторных» песен — сочинявшихся не для публики, а для себя, не для концертов, а для узкого круга, для личного роста. Он, впрочем, и сам пел их неохотно.

Книга эта придумана и составлена другом, одноклассником и в каком-то смысле «учителем» Высоцкого — он показал ему первые гитарные аккорды. Игорь Кохановский, чьи песни тоже поет несколько поколений, — «Бабье лето», «Это наш с тобой секрет», «Суженый-ряженный», — свои серьезные стихи и поэмы сумел напечатать лишь недавно, до этого его знали как журналиста и песенника. Он проделал титани-

Дмитрий Быков

ческую многолетнюю работу, опрашивая друзей Высоцкого, актеров, режиссеров, поэтов, звукооператоров, старателей, журналистов; он собирал любые мелочи, связанные с его именем, — не для того, чтобы примазаться к славе, а чтобы приблизиться к пониманию феномена Высоцкого-человека. Для того, чтобы вы прочли эту книгу.

Когда-то Аникст закончил статью о «Гамлете» словами «оставаться человеком, всегда и во всем человеком». Пафос этой книги, написанной об одном из лучших Гамлетов мирового театра (да и спектаклей такого уровня в мире было раз и обчелся), — в ином: быть человеком сегодня уже недостаточно. Поднимись над человеческим, поставь себя в условия нечеловеческих напряжений и сверхчеловеческих требований — и вокруг тебя спасутся многие.

Игорь КОХАНОВСКИЙ
СЕРЕБРЯНЫЕ СТРУНЫ